

Мортон, 44. Здесь поэт прожил 20 лет

Хотя о Бродском написаны уже тома литературоведческих и прочих исследований, всегда поражаешь, насколько мало известно о его жизни в Нью-Йорке. Между тем Нью-Йорк – город Бродского, точно так же как Прага – город Кафки, а Буэнос-Айрес – город Борхеса. В Нью-Йорке поэт прожил почти 20 лет. Здесь он обрел собственный дом и свою семью. Здесь у него наконец-то появилось то, что он называл «хлеб и слезы». Правда, городские реалии с трудом находили место в творчестве Бродского. Он говорил, что естественным путем Нью-Йорк в стихи не вписывается. И добавлял: «Вот если Супермен из комиксов начнет писать стихи, то, возможно, ему удастся описать Нью-Йорк». Но его поэзия, начиная с середины 70-х, пропитана воздухом этого города.

Мортон, 44

СВОИ стихотворные переводы на английский Бродский подписывал F.F. Morton. Для его друзей не было секретом, что таким образом поэт зашифровывал свой домашний адрес: Мортон, 44. Место, где он прожил больше всего в Америке – без малого 20 лет. Еще одна шифрограмма была на входной двери – точнее, на воротах, ведущих во внутренний дворик, из которого толькo и можно было выйти в его квартиру. Чтобы попасть к Бродскому, надо было нажать на кнопку «Бакуни». Для чего ему нужна была такая конспирация, никто толком не знал. По одной версии, сделано это было, чтобы какому-нибудь любителю изыщной словесности не пришлось в голову завалиться к знаменитости без предупреждения. Согласно другой трактовке, у поэта – особенно после трех арестов – развилась определенная мнительность, и он даже в Нью-Йорке не чувствовал себя в полной безопасности от «всевидящего ока» спецслужб.

Между прочим, табличка «Бакуни» так и осталась, хотя уже лет семь здесь живут совсем другие люди. Я нажал эту кнопку, но никто не ответил. Надавил на кнопку повыше. «Who?» – тронно спросил домофон. Тогда я быстро произнес заранее заготовленную фразу: «Журналист. Готовлю материал к юбилею Иосифа Бродского, известного русского поэта, который жил здесь на первом этаже. Пустите меня, пожалуйста». Дверь поддалась. В узком проходе между 44-м и 46-м дома я увидел открывшую мне, милостивую американку. «Вы были с ним знакомы?» – «Он был настоящим джентльменом! Это был очень милый человек. Очень вежливый. Никогда не забуду поздравлять, попросить, поздравить с праздниками».

В саму квартиру редко кто заглядывал: Бродский предпочитал принимать гостей во дворе. Поэт Марина Темкина, дружившая с Бродским, вспоминает, что в дни рождения, когда на веранде собиралось много народу, хозяйка с гостями не общалась, но, «выдвинув» интересного ему собеседника, вводил его в дом. Это было знаком особого расположения.

Неизвестно, имел ли Бродский в виду Мортон-стрит, когда писал: *Нищий квартал в окне глаз мозолист, чтоб в свой черед, в лицо запомнить жильца, а не, как тот считает, наоборот.*

Здесь никто не крикнет, что ты чужой

Накануне юбилея Иосифа Бродского наш корреспондент прошелся по нью-йоркским адресам поэта

Дело в том, что со времени отъезда из России его достаточно трудно было представить живущим в нищем квартале. Что касается района Гринвич-Виледж, где расположена Мортон-стрит, – то он вообще считался самым богатым в Нью-Йорке. (Не случайно именно здесь недавно приобрела квартиру ставшая весьма популярной Моника Левински.) Впрочем, как раз Мортон-стрит выглядит вполне заурядной улицей. Зато она ведет к океану. Точнее, упирается в Гудзон, который в этом месте уже сильно пахнет морем. По вечерам поэт очень любил пройти до самой

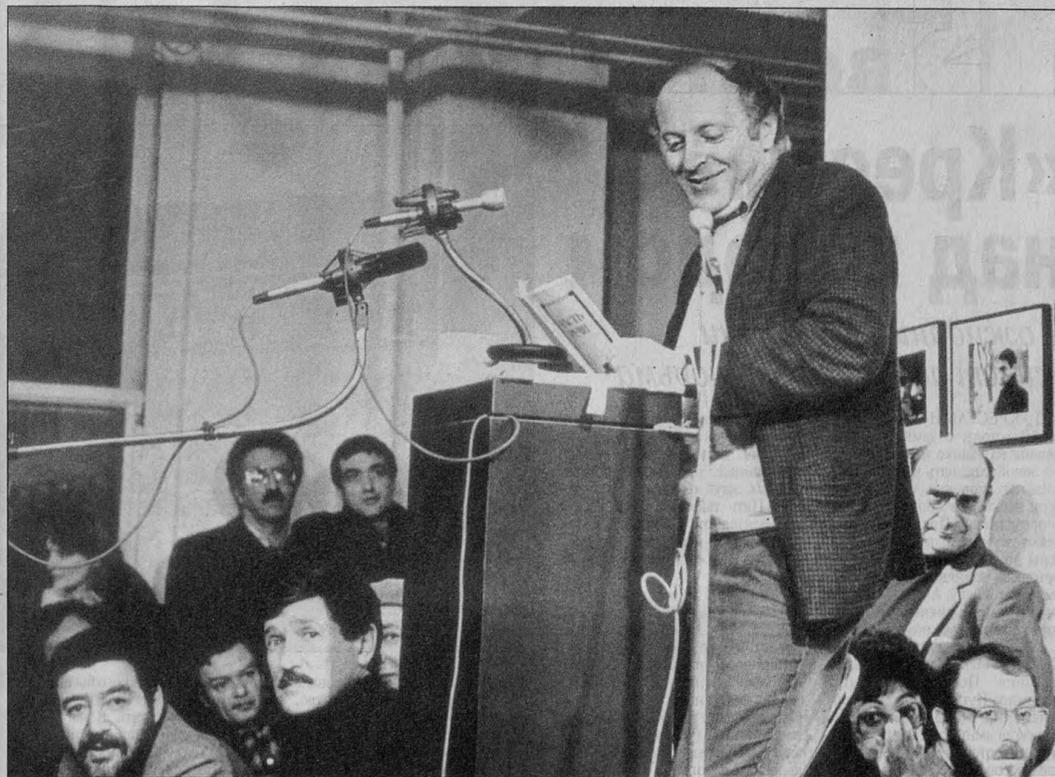
во время перерыва пропустить по чашечке «эспрессо». Сюда Бродский любил приглашать своих гостей: от дома до «Реджио» было от силы пятнадцать минут ходьбы. Но, даже переехав в Бруклин, Бродский вновь и вновь возвращался в Гринвич-Виледж. Георгий Вайнер вспоминает, как они сидели в кафе в последнюю осень поэта. «Я спросил: «Какие у вас планы?» – «Еду в Ирландию». Тогда я задал традиционный дурацкий вопрос: «Работать?» Он подумал и сказал: «Нет. Слушать себя». Сначала мне это показалось некоторым выпендрежем. А потом по-

что он призван символизировать, но для Бродского этот самовар, вероятно, мог служить ассоциативным мостиком в другое любимое заведение Манхэттена.

«Русский самовар»

О ПОЭТАХ принято думать как о романтиках, оторванных от материальных проблем. Между тем Бродский был не чужд предпринимательства. Так, у него была идея создать Институт перевода – компанию, специализирующуюся на издании переводной литературы. Но из всех проектов по-настоящему реализовался лишь один. В 1987 году Иосиф Бродский и его друг Михаил Барышников стали соучредителями ресторана «Русский самовар». После того как Бродский внес в его уставной капитал часть своей Нобелевской премии, ресторан расцвел. Сегодня это одно из самых популярных «русскоязычных мест» в Манхэттене, своего рода русский клуб.

На мою просьбу перечислить знаменитостей, которые побывали в «Русском самоваре», хозяин ресторана Роман Каплан молча протягивает гостевую книгу. Я листаю ее с нарастающим интересом. Жерар Депардьё... Олег Целков... Белла Ахмадулина... Александр Кушнер... А вот и Бродский, 3 декабря 1995 года:

В галерее Нахамкина (1984). Фото Нины Аловтер

Чайна-таун

денты Бродского раздавали свечи. А на церковную кафедру по очереди взбирались Милош, Уолкот, Хини, Рейн, Уфланд, Найман – чтобы читать его по-русски и по-английски.

Кафедральный собор святого Иоанна – самый большой собор в мире, мало того – его еще продолжают достраивать. Он англиканский, но по духу экуменистический. Его настоятели стремятся к традициям раннего средневековья, когда соборы воспринимались просто как «дома собраний» – места, где можно было хорошо провести время. Здесь устраивают джазовые концерты, индейские церемонии, литературные вечера, отмечают даже зимнее солнцестояние. Здесь есть и Уголок поэтов – место, где символически захоронены мемориальные доски в честь великих представителей англоязычной литературы. Когда долго смотришь на плиты, где высечены имена классиков, начинает казаться, что и в самом деле находишься на фантастическом кладбище, где на расстоянии фута друг от друга лежат Эдгар По, Роберт Фрост, Томас Элиот, Эрнест Хемингуэй... Бродского здесь нет. Фигуры?

Чайна-таун

МНОГИХ знакомых, впервые приезжавших в Нью-Йорк, Бродский приводил в этот причудливый уголок Дальнего Востока. Он не имеет четких границ, распыляется с семью бесчисленными кафешками, где в окнах вместо занавесок висят жареные утки и копченые цыплячки крыльшечки. Переход к чайна-тауну ощущается только в метро, когда на Гранд-стрит вагоном наполняется печальными лицами с глазами-щелочками.

Его любимый китайский ресторан – «Silver Palace», где блюда по старинной методике развозят в особых тележках. Именно сюда он пригласил Евгения Рейна в день их первой встречи после многолетней разлуки. Сюда же отправился Бродский с друзьями в 1985 году после церемонии вручения премии за вклад в этническую культуру. Бродский говорил, что китайская кухня – это гастрономический эквивалент демократии. Имея, вероятно, в виду невероятную свободу

выбора и перемещения в координатах «сладкое – горькое» и «соленое – пресное».

Неподалеку расположен еще один уголок, который чрезвычайно нравился Бродскому. Это небольшая площадка под мостом к Бруклину. Тем самым, о котором еще Маяковский написал: «Бруклинский мост – это вещь!» Отсюда Бродский подолгу смотрел на Восточную реку, как он именовал Ист-Ривер, на залив, где виднеется статуя Свободы, на поток автомобилей, курсирующих между двумя городскими районами, на Бруклинские высоты. Предвидел ли он, что на эти высоты ему еще предстоит взобраться, что именно здесь расположится его последний дом?

Бруклинские высоты

СУЩЕСТВУЕТ несколько версий, почему Бродский решил покинуть квартиру на Мортон-стрит. Наиболее вероятно, что переезд стал естественной необходимостью после рождения дочери Анны. Интересно, примерял ли он к себе рождественские стихи, на все лады повторяя сакраментальное сочетание имен. Представлял ли, как впервые придут друзья, чтобы увидеть «Марио, Иосифа, сверток с Младенцем»?..

Переезд на ту сторону Восточной реки был весьма символическим жестом. Поэт отсекал себя от

веселого и непутевого мирка Гринвич-Виледжа, от надоевших литературных тусовок, от настырных манхэттенских журналистов. Он хотел пожить наедине с новой семьей.

Пирпонт, 22. Окна кабинета на втором этаже выходят на улицу. А улица через 50 метров, конечно же, упирается в реку. Точнее, в еще одну великолепную смотровую площадку с замечательным видом на небоскрепы Манхэттена, на все мосты, на Восточную реку и на Атлантику. Полное ощущение, что Бродский выбирал сначала панораму, а потом дом. Дом на горе и у реки, с большими окнами и высокими потолками. Дом Бродских – Марии и Анны.

Поскольку родным языком отца был русский, а матери – итальянский, дочку решили воспитывать по-английски. Бродский, конечно, не сомневался, что Анна когда-нибудь выучит и русский. Но стихотворение, ей посвященное, написал все-таки на том языке, на котором она сможет наиболее тонко и глубоко прочувствовать странное поэтическое завещание отца.

В общем, помни, что я буду рядом. И даже что, может, отцом твоим был неудовольненный предмет, в особенности если предметы старшие тебя или больше. Так что помни про них – они непременно будут к тебе строги. Все равно люби их – знакомых и незнакомых...

Максим ГЛИКИН

Фото из архива автора

Отрывок из «To my daughter» приведен в переводе Александры Сумеркина

Пирпонт, 22. Дом, где умер поэт

Главный редактор номера: Виталий ЯРОШЕВСКИЙ
Газета зарегистрирована в Мининформпечати
РФ 20 августа 1991 г. Рег. № 1054
© Общая газета. Перепечатка допускается по согласию с редакцией, ссылка на «ОГ» обязательна
Правовое обслуживание газеты осуществляет Адвокатское Бюро «Резник, Гагарин и Партнеры» МГКА

Дизайн-макет: Семен ЛЕВИН, Борис МИРОШИН
Арт-директор: Андрей МАЛКОВ
Отдел рекламы: Тел.: 915-75-23, 915-51-80. Т/ф: 915-26-06
Отдел маркетинга: Тел.: 915-53-81
Связь с общественностью: Валерия ГАЛЛАЙ, Евгения СОЛОУХИНА
Тел.: 915-70-40

Верстка компьютерного центра «Общей газеты»
Технический директор Валерий МАКАРОВ
С этим знаком, а также в разных публикациях пресс-релизы, информационно-коммуникационные материалы. Редакция не несет ответственности за содержание рекламных версий

Отдел распространения: Александр РЕБРИК. Тел.: 915-53-89
Общий тираж «ОГ» – 203 655 экз. (региональный – 144 000 экз.)
Цена свободная
Розничное распространение в Московском Метрополитене – агентство «МЕТРОПРЕСС»
в С.-Петербургском Метрополитене – ООО «МЕТРОПРЕСС»

Отпечатано в ОАО ПО «Пресса-1», 125865, ГСП, Москва-137, ул. Правды, 24
Номер подписки в России: 24.05.2000 г.
Заказ 1315.

Наш подписной индекс: 32138

